

На берегу — нехитрые дары...

На берегу — нехитрые дары:
Обломок дерева, канат, бутыль, канистра...
Кулик, предчувствуя финал своей игры,
С тревожным криком поднимается под выстрел.

Блуждает ветер, холоден и груб —
Природы пристав в поисках задания,
И океан, как никелевый рубль,
Болтается в кармане мироздания.

Вьет гнезда сумрак на уступах скал.
Полжизни остается до рассвета.
Полжизни я в потемках расплескал
И понял: лишь молчание бессмертно.

С пьяной русской безутешной удалью...

С пьяной русской безутешной удалью,
Откулачив градинами луг,
Над покосом дальним тучи сгрудились,
Обнимаясь молниями рук.

По раскисшей глинистой распутице,
Не разжав разбитых в слякоть губ,
Осень — груды неба, словно узница,
Спотыкаясь, тащит на горбу.

Я смотрю в глаза озер незрячие.
Облака в них — вереницей лиц
Тех, что жизнь мою переиначили,
Как воспоминанья пронеслись.

Но душа моя не растревожится
И не дрогнет, от потерь устав.
Жизнь моя, неизъяснимо сложная,
Стала вдруг немислимо проста:

Сумерки. Тетрадь. Уединение.
Гладь листа бездонна и чиста.
Россыпью идут на дно сомнения,
Черновик души перелистав.

А вокруг поникла, отрешенная
От всего земного, красота
И монашкой, верой обожженной,
Пала у незримого креста.

Письмена прошлогодней листвы

1

Жара. Удушье. Август страшен.
Деревня пересошим ртом
Глотает пыль.
Язык иссохшего ручья
Шершав.
И зной гудит, как шершень,
Над лошадиной шкурой пашни.

2

Нищенка осень,
Пустившая все свое золото
По ветру.
Замерзшие обелиски полыни.
Надломленный крик орлана
Расползается трещиной
По ледяной кромке облака.

3

Туман идет по изледи озер
Широким шагом.
Звезды
Остры и холодны.
Изломы гор
Застыли,
Словно крик окаменелый.

Ранние звезды угольями
 Выкатились из очага заката.
 Одна — тлеет рядом с вулканом.
 Смотри:
 Его вершина задымилась
 Углом
 Сжигаемого любовного письма!

Пути познания пустынно.
 Вороньем
 Дорогу вымостил
 Сгущающийся вечер.
 Шиповник
 С обмороженных ветвей
 На лед роняет ягоды молчанья.

Зимой
 Звезд в небе
 Меньше, чем ночей,
 Пережитых в одиночестве...
 Вновь по твоим следам
 Я выпускаю гончих памяти
 В заснеженную долину воспоминаний.

Пустопорожье.
 В аршинной сажени снегов
 Увяз мой голос.
 И телега, полная слов,
 Стынет
 Посреди
 Завьюженного поля.

Небесная охота

Кедрачей замерзшая пехота
 Осадила лысой сопки твердь.
 В небесах объявлена охота —
 Тучи в клочья рвет луна-медведь.

Вздулись жилы под корой деревьев —
 Тяжелы рогатины ветвей.

Звезды метят прямо в подреберье
Лезвиями кованных лучей.

Лес застыл, косматый и зловещий,
Разразившись гулкой тишиной.
Захлестнул, ожег осине плечи
Пар из горла — выстрел холостой.

Вдох глубок. Глоток сырого неба
Ледовитой ночью полнит грудь.
Яростная, огненная Вега
Сквозь пространство прожигает путь.

Я — свидетель: в самой вышине,
На вершине всей небесной кручи
Бьется в беспросветной тишине
Тайный пульс созвездий и созвучий!

И луна, дика и неподвластна,
Гонит прочь густые облака.
Языками морды опоясав,
Лижут ветры рваные бока.

Разорвав и окровавив свору,
Косолапо в белую зарю
Катится луна по косогору
Напролом — навстречу ноябрю.

В тебе есть все: и речь таежных рек...

В тебе есть все: и речь таежных рек,
И хрупкость льда под пальцами ребенка,
И белизной неугасимый снег
Укрыл излом твоей ключицы тонкой.

В тебе сошлись надменная зима
И тронутые оттепелью губы;
Отводишь обнаженные глаза
И прячешь... От стыда ли? От испуга?

Твоей косы уснувшей расплести
Не суждено. Глотая жадно звуки,
Мне ложь глаза безжалостно слепит
На берегу излучины разлуки.

Мне холодно. Слова уходят прочь.
И почерк мой уходит вслед за ними.
Всю напролет незыблемую ночь
Я промолчу твое простое имя.

Твои поцелуи наивны и безоружны...

Твои поцелуи наивны
и безоружны, как новобранцы.
Они испуганно верят в победу,
маршируют вразброд, потеряв ориентиры.
Все страшатся боя,
и все рвутся в бой,
И все лягут, как один,
в первом же бою,
Чтобы исчезнуть навсегда
В братской могиле
Расставания.

Ночь, как чаша, глуха...

Ночь, как чаша, глуха, до последней планеты продрогла,
И комета огнем ледяным прожигает ей грудь.
Для кого эта ночь так пуста, одинока, огромна?
Кто посмеет в нее, как в чернила, перо обмакнуть?

Эта ночь, как Россия: испытими спета губами
Несчастливая песня с нелепым и страшным концом.
Кто же вывел Тебя, беспощадно скользя по бумаге
Черноклювым, талантливym, крови хлебнувшим пером?

Но спасибо за труд. Не поставит ли дерзкую точку?
Черновик наших судеб весь вымаран твердой рукой.
Почему же слова каторжанами тянутся в строчках
Несгибаемой, рваной, вцепившейся в стих чередой?

Так поэтов слова, утопая в снегах, вереницей
Все идут и идут в белоснежных полях глухоты,
И безумие мира, сверкая, над ними глумится,
Заливая сияньем просторы людской мерзлоты.

Собирайся же в путь! Мы пойдем, спотыкаясь, за ними —
Пара честных, негромких, простуженных в хрип голосов.
Но скажи мне свое беспросветное русское имя,
Мой старатель страниц, мой искатель немислимых слов!

Ночь, как терем, черна, и ордою серебряной звезды
Молчаливо кружат, поджигая резные края...
Простирая огней перезрелые, грузные гроздья,
Ввысь по небу ползет, извиваясь лозою, заря.

То не ветер рыщет по урману...

То не ветер рыщет по урману,
То не рысь взяла пахучий след:
То туман течет, как кровь из раны,
Густо обволакивая снег.

Отскрипел по насту санный полоз.
Воздух замер. Сумерки густы.
Наверху сошлись на нерест звезды
В древнем русле Млечного Пути.

Здравствуй, тьма камчатская, глухая!
Я не сгас, не сгинул, не уснул!
Лишь закат, над сопкой полыхая,
По глазам наотмашь полоснул.

Я стою один. Я безоружен
Перед ночью в этот долгий час.
Мертвой зыбью душит воздух стужа,
Расколов небес иконостас.

Мертвой зыбью волн заледенелых
Сдавлен край Авачинской Губы.
Облака сваялись, словно перья:
Спутаны, изломаны, грубы.

Художник

Горлом пересохшего колодца
Хлынул сумрак на твою ладонь.
Не художник ты — канатоходец
Между светом и кромешной тьмой.

Растеклась расплавленной ночью
Тушь по белой мякоти листа.
Не рисуешь ты — наводишь порчу,
Ворожишь, бумагу распластав.

Слышишь ли ты Музы шаг летящий?
Черный цвет, как Зверь, неукротим.
Оттого ли криком леденящим,
Полнятся глаза твоих картин?

Жесткой, старой кисти поступь волчья,
Вдохновенья заметенный след...
Почерк ночи груб и неразборчив —
Наизнанку вывернутый свет.

Сквозь снегопад комет густой...

Сквозь снегопад комет густой
Расслышать ход планет бесшумный.
Принять Меркурий на постой
И осознать, что ты — безумен.

Расчислить строгий механизм
Галактик, лун и звезд — всех сразу,
И распознать, что в смерти — жизнь;
Ее звериный, древний разум.

Речь, как невесту, потерять.
Все объяснить рядами чисел,
Разъять Вселенную, понять
Ее бесчеловечный смысл.

И на цитаты разобрать
Весь мир, его триумф и муку...
И вечность пригвоздить, как муху,
К бумаге кончиком пера!

